

общее счастье уже признано такой цѣлью, которая неспособна осмыслить нашу жизнь, коль скоро нѣтъ другой жизни, кромѣ земной, то мы логически обязаны признать и то, что содѣйствіе всеобщему счастью составляет содѣйствіе такой цѣли, которая неспособна осмыслить нашу жизнь, коль скоро нѣтъ другой жизни, кромѣ земной. А содѣйствіе такой цѣли, которая неспособна осмыслить нашу жизнь, разумѣется, не может сдѣлать нашу жизнь осмысленною, если бы даже вопреки всѣмъ психологическимъ законамъ сознаніе о фактѣ такого содѣйствія наполнило жизнь величайшимъ наслажденіемъ.

Словомъ, мы повсюду наталкиваемся на одинъ и тотъ же выводъ: или надо отказаться отъ вѣры въ смыслъ жизни (а съ нимъ и въ смыслъ нравственнаго закона), или же, вѣря въ него, надо вѣрить и въ личное безсмертіе. Но, скажутъ мнѣ, это — выводъ условный: онъ не говоритъ, слѣдуетъ ли вѣрить въ смыслъ жизни, а указываетъ только, при какихъ условіяхъ позволительно вѣрить въ него...

Въ чемъ же тогда состоитъ практическое значеніе нашего вывода?

Отвѣтъ очень простъ: въ устраненіи того, что можетъ быть названо умственнымъ развратомъ, состояющимъ едва ли не наихудшій видъ разврата. Подъ вліяніемъ недавняго господства матеріализма и полного упадка философіи множество лицъ отвыкло отъ вѣры въ безсмертіе, даже подсмѣивается надъ ней, а въ то же время толкуетъ о смыслѣ жизни,